

Первые испанские революции и правящие круги Российской империи

Михаил Белоусов, Ясын Абдуллаев

First Spanish Revolutions and the governing elites of the Russian Empire

Mikhail Belousov, Yasyn Abdullaev

(both — Saint-Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870013442-7

На рубеже 1810—1820-х гг. во внешней политике России наметился переход от поддержки конституционных реформ в европейских странах к стремлению оградить их от мятежей и восстаний. В то же самое время Александр I утрачивает интерес к проекту Государственной уставной грамоты и запрещает в империи деятельность тайных обществ и масонских лож. Ещё в XIX — начале XX в. историки связывали этот консервативный поворот с влиянием австрийского министра иностранных дел, а с 1821 г. — канцлера кн. К. Меттерниха, убедившего российского монарха и его окружение в существовании хорошо законспирированной сети революционных организаций, руководство которой находилось в Париже и желало подорвать политическую и социальную стабильность в Европе¹. Однако могли ли доводы одного, пусть и очень авторитетного, человека вызвать столь радикальную смену курса? Какие сведения получали в Петербурге о европейских событиях, и в частности о положении в Испании, и как их интерпретировали? Следует отметить, что отдельные аспекты и нюансы русско-испанских отношений начала XIX в. изучены достаточно подробно². Но говоря о том, как пиренейские революции и пронунсиаменто воспринимались в России, исследователи освещали преимущественно влияние данного опыта на заговорщиков³, тогда как его воздействие на позиции и взгляды

© 2021 г. М.С. Белоусов, Я.С. Абдуллаев

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда «Антропология политического кризиса: кейс междуцарствия 1825 года», проект № 19-78-00040.

¹ *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика и дипломатия. СПб., 1877. С. 415—417, 448—456; *Шильдер Н.К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4 т. Т. 4. СПб., 1898. С. 224—225, 254—255, 258—261; *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I: опыт исторического исследования. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. С. 238—241, 295—297. Подробнее см.: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России в первой трети XIX века. Правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009. С. 487—513.

² *Додолев М.А.* Россия и Испания 1808—1823 гг.: война и революция в Испании и русско-испанские отношения. М., 1984; *Додолев М.А.* Россия и Испанская революция 1820—1823 гг. // История СССР. 1969. № 1. С. 113—122.

³ *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909. С. 243—245; *Петров Д.К.* Россия и Николай I в стихотворениях Эспронседы и Россетти. СПб., 1909. С. 47—75; *Тарле Е.В.* Военная революция на Западе Европы и декабристы // *Тарле Е.В.* Сочинения в 12 т. Т. 5. М., 1958. С. 7—21; *Нечкина М.В.* Революция наподобие испанской (О тактике Южного общества декабристов) // Каторга и ссылка. 1931. № 10. С. 3—40; *Орлик О.В.* Декабристы и европейское освободительное движение. М., 1975; *Белоусов М.С.* Испанская «подсказка» для декабриста

сановников и дипломатов анализировалось гораздо реже⁴. Как же они формировались и трансформировались в 1812—1823 гг.?

19 марта 1812 г. в Кадисе была провозглашена одна из самых либеральных для своего времени конституций. Она моментально привлекла внимание представителей высшей бюрократии и дипломатов Российской империи. Александр I узнал о её подготовке от Р.А. Кошелёва ещё в сентябре—октябре 1810 г.⁵ А вскоре после начала войны с Бонапартом Россия и Испания подписали 8(20) июля 1812 г. в Великих Луках договор, в котором царь официально признавал законность «генеральных и чрезвычайных кортесов, ныне в Кадисе соединившихся, а равно и конституции, ими учинённой и утверждённой» (ст. 3)⁶. Несмотря на то, что Ф. Сеа Бермудес и Э. Бардахи-и-Асара не переставали заверять своих русских собеседников в «любви испанцев к королю и религии»⁷, в Петербурге многие отнеслись к кадисской конституции и политике кортесов сдержанно, а зачастую и критично прежде всего из-за её фактически «республиканского характера». Поверенный в делах российской миссии в Мадриде барон П.О. Моренгейм ещё в декабре 1811 г. сообщал гр. Н.П. Румянцеву, что власть кортесов, основанная на «догмате суверенитета нации», чрезмерна, аккумулирует все законодательные и судебные полномочия, ограничивая испанского короля сугубо исполнительными функциями⁸. А в депеше занимавшего позднее тот же пост гр. М.Н. Булгари, отправленной статс-секретарю гр. К.В. Нессельроде 24 февраля (7 марта) 1820 г., говорилось о государственном устройстве 1812 г. как о «произведении самой отъявленной демагогии — произведении, созданном по образцу той самой французской конституции 1791 г., из-за которой кровь короля-мученика и его августейшей семьи пролилась на эшафоте, которая повергла всю нацию в ужасы кровавых расправ и ужаснейшей гражданской войны»⁹.

(путешествие С.П. Трубецкого в Париж) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2015. Вып. 4. С. 33—44.

⁴ Нарочницкий А.Л. Испания 1808—1823 гг. глазами российских дипломатов // Вопросы истории. 1988. № 2. С. 41—53; *Слёзки Л.Ю.* Война Испанской Америки за независимость в оценке русских дипломатов (1810—1816 гг.) // Латинская Америка в прошлом и настоящем. Сборник статей по экономике, истории и культуре стран Латинской Америки. М., 1960. С. 370—394; *Сироткин В.Г.* Борьба в лагере русского консервативного дворянства по вопросам внешней политики после войны 1812 г. и отставка И. Каподистрии в 1822 г. // Проблемы освободительного движения и международных отношений. М., 1975. С. 3—47.

⁵ Являясь доверенным лицом императора, Кошелёв с 1808 г. вёл тайные переговоры с испанским консулом А. Коломби и посланником Регентского совета в Петербурге Ф. Сеа Бермудесом (*Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 2. СПб., 1912. С. 47—50*).

⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел (далее — ВПР). Сер. 1. Т. 6. М., 1962. С. 445—496. Договор подписали канцлер гр. Н.П. Румянцев и Ф. Сеа Бермудес (в декабре 1812 г. он будет назначен генеральным консулом в Санкт-Петербург).

⁷ Нарочницкий А.Л. Испания 1808—1823 гг. ... С. 43.

⁸ *Додолев М.А.* Россия и Испания... С. 41. При этом, отчётливо понимая выгодность союза с Испанией в условиях войны с Наполеоном, тот же барон Моренгейм 25 ноября (7 декабря) 1812 г. писал Сеа Бермудесу, что принятие конституции будет способствовать «процветанию храброго и верного королю испанского народа» (Рукописный отдел Института русской литературы (далее — РО ИРЛИ), ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 228).

⁹ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). М., 1979. С. 305. Схожие оценки давали позднее и исследователи. Так, С.М. Соловьёв отмечал «революционное и хаотичное происхождение» конституции, созданной в 1812 г. «республиканскими учреждениями» (хунты, кортесы) (*Соловьёв С.М. Указ. соч. С. 437*).

4 мая 1814 г. испанский король Фердинанд VII, совсем недавно освобождённый из французского плена, подписал декрет об отмене конституции и роспуске кортесов. Александр I в ответ на такой шаг заявил, что русско-испанский союзный договор 1812 г. сохраняет силу лишь в той мере, в какой с этим согласен король¹⁰. Однако в салоне Ж. де Сталь царь, по словам Н.К. Шильдера, выразил «полное презрение к Фердинанду VII, тотчас по своему возвращению в Испанию уничтожившему конституцию»¹¹. Совершённый королём переворот осудили многие видные российские дипломаты, в том числе Д.П. Татищев, А.Я. Италинский, кн. П.Б. Козловский, графы М.Н. Булгари, Ф.П. Пален, Г.А. Строганов и П.А. Толстой¹². Граф Пален напоминал, что «эксцессы самодержавной власти вызывают эксцессы демагогических принципов»¹³. Служивший посланником в Мадриде с 1814 по 1819 г. Татищев не раз советовал Фердинанду VII смягчить репрессии против либеральных депутатов кортесов¹⁴.

Таким образом, в правящих кругах России не одобряли ни «прореспубликанскую» конституцию 1812 г., ни «реакционный» переворот 1814 г. И Александр I, и один из главных вдохновителей политики «конституционной дипломатии» гр. И.А. Каподистрия¹⁵ считали, что республики и «деспотические» режимы одинаково плохи, а наилучшим средством преодоления недовольства народных масс, ведущего к «господству революционной тирании», служат дарованные сверху «умеренные» конституции¹⁶. Граф Каподистрия, всегда остававшийся монархистом и противником республиканского правления¹⁷, исходил из того, что последствия Французской революции сделали невозможным существование «старорежимных» монархий¹⁸. Но и Кадисскую конституцию 1812 г.

¹⁰ По мнению М.А. Додолева, ссылавшегося на Ф.И. Бруннова, это свидетельствовало об «усилении реакционных тенденций во внутренней и внешней политике царизма» (*Додолев М.А. Россия и война испанского народа за независимость (1808—1814 гг.) // Вопросы истории. 1972. № 11. С. 42*).

¹¹ *Шильдер Н.К. Указ. соч. Т. 3. СПб., 1897. С. 231.*

¹² Не сочувствовал ему и игравший видную роль в Государственном совете адмирал Н.С. Мордвинов. Характерно, что в его бумагах находилась копия письма А. Кирогери Фердинанду VII с протестом против отмены конституции 1812 г., осуждением несправедливости абсолютистского правления и обоснованием необходимости введения народного представительства (РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 601, л. 1—1 об., 4—4 об.; д. 602, л. 1—2).

¹³ *Додолев М.А. Россия и Испанская революция... С. 114—115.*

¹⁴ *Майский И.М. Испания 1808—1917 гг.: исторический очерк. М., 1957. С. 99—100.*

¹⁵ О роли гр. Каподистрии в формировании политики Александра I см.: *Теплов В.А. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПб., 1893. С. 10; Ари Г.Л. Иоанн Каподистрия в России. 1809—1822. СПб., 2003. С. 8—22; Захаров В.Ю. Российский конституционализм второй половины XVIII — первой четверти XIX в. в контексте развития западной правовой мысли. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. С. 648—676; *Grimstead P.K. Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801—1825. Berkeley, 1969. P. 214; Woodhouse C.M. Capodistria. The Founder of Greek Independence. L., 1973. P. 326—327.**

¹⁶ Так, 15(27) сентября 1820 г. гр. Каподистрия писал герцогу А.Э. Ришелье: «Революция поражена в самое сердце. Она больше не может возродиться во Франции. Именно законам, закреплённым конституционной Хартией, Франция, Европа обязаны этим благодеяниям» (Сборник Императорского Русского исторического общества (далее — Сборник ИРИО). Т. 54. СПб., 1886. С. 552).

¹⁷ *Woodhouse C.M. Op. cit. P. 8—12; Чернов А.В. Общественно-политические взгляды и дипломатическая деятельность И.А. Каподистрии в годы русской службы (1809—1822 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. С. 24—37.*

¹⁸ *Каподистрия И.А. Записка графа Иоанна Каподистрии о его служебной деятельности // Сборник ИРИО. Т. 3. СПб., 1868. С. 250—252.*

в составленном 5(17) октября 1815 г. «Обзоре испанских дел» он характеризовал как документ «республиканской направленности», не соответствующий нравам и традициям народа¹⁹. В сложившихся условиях наилучшим решением ему представлялось введение «либеральных установлений»²⁰, «обновление государственного порядка», и налаживание диалога между властью и обществом в представительных учреждениях. Расширение политических и гражданских прав подданных и закрепление их в октроированных основных законах должно было не столько ограничивать полномочия монархов, сколько способствовать модернизации системы управления, создавать новый, менее одиозный для общественного мнения образ власти. В инструкции русским миссиям за границей в 1817 г. граф настаивал на установлении конституционных порядков в малых государствах для обеспечения баланса сил в Европе²¹.

Схожие идеи развивал 21 июня (3 июля) 1814 г. во всеподданнейшей записке «О правомерности и необходимости восстановления конституций в некоторых германских государствах» сенатор Ю.А. Головкин, назначенный в декабре того же года чрезвычайным посланником и полномочным министром в Вюртемберге²². Граф Пален, описывая ситуацию, царившую в объётой войнами и восстаниями Латинской Америке, утверждал: «Когда народ после векового угнетения открывает, наконец, глаза, трудно закрыть ему их силой»²³. Подавление общественного брожения признавалось способным только усилить социальную напряжённость, чем и объяснялась критика действий Фердинанда VII и его камарильи в 1814—1820 гг. В инструкции, данной русскому послу в Лондоне кн. Х.А. Ливену 15(27) декабря 1815 г., предписывалось, разъясняя британскому правительству позицию России в испанских делах, указывать на то, что игнорирование «последствий революций наших дней» или попытки «возврата к прежним установлениям» приводят к ситуации, когда монархи становятся «невольниками своих народов»²⁴.

Рассуждая о причинах революции в Неаполе, Н.С. Мордвинов связывал подобные происшествия во Франции, Италии и Испании с «пороками древних институтов» и необходимостью «их совершенствования, заключающегося в их изменении» — даровании конституционных учреждений. Угроза монархам, по его мнению, исходила не от отдельно взятых карбонариев, а от «духа» времени, «оживляющего весь мир», «правящего мыслью и повелевающего всем человеческим»²⁵. По мнению адмирала, именно конституция сделала Англию «богатой и могущественной», а «конституционная Франция могла бы победить и подчинить себе все собравшиеся силы Европы»²⁶. Такие представители фрон-

¹⁹ ВПР. Сер. 1. Т. 8. М., 1972. С. 556.

²⁰ Выражение «les institutions libérales» зачастую использовалось как эвфемизм, заменявший понятие «конституция» (Чернов А.В. О политических взглядах И.А. Каподистрии // Вестник РУДН. Сер. История России. 2015. № 2. С. 52).

²¹ Сироткин В.Г. Борьба в лагере консервативного русского дворянства... С. 9—11. К числу единомышленников Каподистрии Сироткин относит Италинского, гр. Ф.П. Палена, Г.Д. Мочениго, А.М. Обрезкова и др.

²² ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 54.

²³ Слёзкин Л.Ю. Война Испанской Америки за независимость... С. 376.

²⁴ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 144—148.

²⁵ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 602, л. 1—1 об.

²⁶ Архив графов Мордвиновых. Т. 9. СПб., 1903. С. 23—24.

дирующей молодёжи, как кн. П.А. Вяземский, и вовсе рассматривали дарованные конституции как «возвращение долга должником»²⁷.

1(13) ноября 1815 г. в инструкции своему чрезвычайному посланнику в Мадриде Татищеву Александр I отмечал, что только умеренно либеральные преобразования способны восстановить «прочный порядок и избавить мир от новых революций»²⁸. Между тем в «Обзоре испанских дел», написанном осенью 1815 г., гр. Каподистрия изображал удручающую ситуацию на Пиренеях: финансовая катастрофа, потеря колоний в Латинской Америке, отсутствие «эффективного правительства», растущее недовольство армии, разгул политических репрессий и восстановление инквизиции²⁹. Граф полагал, что дальнейшее игнорирование назревших трудностей грозит испанской монархии «унижением и гибелью» и приведёт «трон и государство» к «полному краху»³⁰.

Мордвинов, выявляя причины расстройств финансов в Испании, писал в 1815 г. о зловещей коррупции чиновников, неравномерном распределении собственности и значительном превышении импорта над экспортом³¹. Коллежский асессор Ю. Валленштейн, причисленный к русской миссии в Мадриде, сообщал 18(30) июля 1815 г. А.И. Чернышёву о том, что король превратился в «орудие в руках фракции», придворной камарильи, страна находится в «совершенном беспорядке», а офицерство возмущено политикой властей³². Да и Татищев ещё в сентябре 1814 г. признавал: «Быстрое и абсолютное возвращение испанского правительства к старым порядкам представляет собой, бесспорно, в дни, когда мы живём, удивительнейший феномен»³³.

Своему посланнику император поручал остужать пыл Фердинанда VII и склонять его к «умеренному и справедливому» курсу. После подавления в октябре 1815 г. галисийского пронунсиамента генерала Х.Д. Порлье Александр I с сожалением отзывался о репрессиях в отношении кортесов и напоминал о невозможности «заставить огромную массу людей отречься от своих убеждений»³⁴. Фердинанд VII, следуя советам царя, в январе 1816 г. издал декрет о ликвидации специальных судебных комиссий. Но Александр I продолжал призывать к проведению реформ и обновлению государственной системы³⁵. В 1818 г. из уважения к нему король амнистировал участников республиканского заговора Х. Ван-Галена³⁶.

Тем временем в апреле 1817 г. в Барселоне было пресечено пронунсиаментом Л. Ласи и Ф. Миланса дель Боск. Описывая это событие, Татищев обращал внимание на то, что народ не поддержал заговорщиков, а смуту в армейские ряды внесли младшие офицеры, деморализовавшие солдат³⁷. В 1819 г. обстановка в стране накалилась ещё сильнее: неудачное восстание Х. Видаля в Ва-

²⁷ Вяземский П.А. Записные книжки (1813—1848). М., 1963. С. 60—65.

²⁸ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 593. В то же время 21 марта (2 апреля) 1816 г. царь убеждал главу британского Форин офис лорда Р.С. Каслри в необходимости «считаться с новым мировоззрением народов» ради сохранения спокойствия и благополучия в Европе (ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). М., 1974. С. 108—113).

²⁹ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 552—555.

³⁰ Там же. С. 556—557.

³¹ РГИА, ф. 994, оп. 2, д. 601, л. 1—1 об.

³² Сборник ИРИО. Т. 121. СПб., 1906. С. 464—466.

³³ Слѣзкин Л.Ю. Война Испанской Америки за независимость... С. 387.

³⁴ Додолев М.А. Россия и Испания... С. 114.

³⁵ ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 593; ВПР. Сер. 2. Т. 1(9). С. 692—693.

³⁶ ОР РНБ, ф. 762, д. 52, л. 3—4 об.

³⁷ Додолев М.А. Россия и Испания... С. 123.

ленсии в январе сменилось в июле мятежом в Кадисе во главе с А. Кирогой. Русский посол в Париже гр. К.О. Поццо ди Борго констатировал тогда, что «без боли говорить о делах Испании невозможно»³⁸. Татищев видел, что угроза трону исходит от либерального офицерства, раздосадованного очередной сменой кабинета и состоянием экспедиционных войск³⁹. Сам же посланник, предположительно опираясь на идеи французской Хартии 1814 г., с 1816 по 1818 г. по инициативе императора составлял проект, превращавший Испанию в наследственную конституционную монархию с двухпалатным парламентом, разделением властей и широкими прерогативами короля, гарантирующего подданным основные гражданские права⁴⁰. Характерно, что ещё в 1817 г. Каподистрия впервые заговорил с Сеа Бермудесом о возможности конституционных опытов в заокеанских колониях Испании. Однако посол нашёл эту идею «диссонирующей в размышлениях о умиротворении Америк» и «неуместной»⁴¹.

Так или иначе, восстание Р. Риго в январе 1820 г. не стало сюрпризом для Петербурга. Граф Каподистрия писал своему секретарю А.С. Стурдзе 6(18) апреля 1820 г., что до «совещания государей в Аахене» в 1818 г. у Четверного союза был шанс повлиять на короля, но «тогда этого не пожелали, а теперь уже невозможно»⁴². Стурдза и сам с возмущением отзывался о «преступлении», совершённом в марте 1820 г., когда инсургенты силой заставили Фердинанда VII восстановить действие «чудовищных» статей конституции 1812 г.⁴³ Князь П.А. Вяземский 7(19) марта 1820 г. уверял А.Я. Булгакова, что разразившаяся в Испании революция никого не удивила, поскольку действия короля не оставляли подданным выбора: «Болвана народ, твёрдостью и великодушными пожертвованиями, встал на престол, а он вместо спасибо жарит его»⁴⁴.

При этом интерес Петербурга к положению на Пиренеях только возростал. 6(18) апреля 1820 г. гр. Каподистрия сообщал Стурдзе, что «государственные бумаги», поступавшие из Мадрида, были полны «важных новостей»⁴⁵. Нессельроде по повелению Александра I отправил в Испанию особого «агента» — Д.П. Северина, предупредив его 12(24) мая, что император может положиться лишь на надёжные сведения, поступающие от доверенных лиц, находящихся на месте событий⁴⁶. Конечно, в Петербурге внимательно следили и за публикациями, появлявшимися во французских газетах и журналах, фактически «колонизовавших» российское информационное поле в начале XIX в., однако

³⁸ Сборник ИРИО. Т. 127. СПб., 1908. С. 148—151.

³⁹ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 81.

⁴⁰ Об этом свидетельствуют как инструкции, полученные им 1(13) ноября 1815 г. (ВПР. Сер. 1. Т. 8. С. 590—593), так и его письмо гр. Каподистрии 26 мая (7 июня) 1818 г. (ВПР. Сер. 2. Т. 2(10). М., 1976. С. 385—386). Подробнее см.: *Суслова Н.А.* Проект испанской конституции русского дипломата Д.П. Татищева // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 224—229; *Суслова Н.А.* Испания и Европа в 1814—1820 годах: политика и дипломатия. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 126—144.

⁴¹ Испанский посол скрупулёзно передавал в Мадрид меморандумы российского МИД и подробности официальных встреч: Archivo General de Indias. Estado. Leg. 88, no. 89. Carta no. 257 del Embajador en Rusia, Francisco de Ceá Bermúdez a José Pizarro (1817/12/28). Fol. 2.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 165—166.

⁴³ Там же, л. 209 об.

⁴⁴ Русский архив. 1879. Вып. 4. С. 519.

⁴⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 165.

⁴⁶ Там же, л. 216—217 об.

в правящих кругах гораздо большее значение придавали данным, доходившим по официальным каналам⁴⁷.

Именно в них, а отнюдь не в парижской печати, события 1820—1823 г. часто связывались с деятельностью хорошо законспирированных организаций с широкими международными связями⁴⁸. После отъезда Татищева во главе русской миссии в Мадриде фактически оказался единомышленник Каподистрии гр. Булгари (с февраля 1819 по 1824 г. он исполнял обязанности поверенного в делах)⁴⁹, являвшийся, по слухам, участником тайного общества «Филики Этерия». Уже 15(27) января 1820 г. он информировал Нессельроде о том, что взбунтовавшимися войсками руководят члены тайных обществ. Как указывалось в донесении, располагая «многочисленными агентами в городах», они «постоянно доказывают властям страны, что партия бунтовщиков слишком сильна, чтобы бояться правительства»⁵⁰. Подобные наблюдения не мешали гр. Булгари советовать королю даровать конституцию. Однако, получив за это в марте 1820 г. строжайший выговор из Петербурга, он стал вести себя более сдержанно, а в своих депешах ограничивался преимущественно описанием ужасов революции⁵¹. В приложениях к его донесениям, в частности за май 1822 г., содержались сводки происшествий в Каталонии, Галисии, Бискайе и Наварре, основанные на официальных публикациях и сообщениях тайных агентов⁵². В них постоянно упоминалось о различных «клубах», «патриотических» и «тайных» обществах, существующих во всех районах Испании. Их деятельность будто бы координировалась из Мадрида, куда поступали указания из руководящего центра, находившегося в Париже⁵³.

Даже гр. Каподистрия, ссылаясь на «неопровержимые доказательства», писал 22 августа (3 сентября) 1820 г. герцогу Ришелье о том, что ответственность за мятежи в Испании лежала на «парижских клубах», а в Неаполе — на «мадридских клубах». По его убеждению, люди, прошедшие школу «народного деспотизма» во время Французской революции и закалённые «деспотизмом Бонапарта», с «ужасающей настойчивостью» добивались разрушения порядка, с трудом восстановленного в Европе в 1815 г. Тайные общества и революции казались ему «болезнью века»⁵⁴.

Но и гр. Поццо ди Борго в марте 1820 г. полагал, что именно французские революционеры разбудили Пиренеи, откуда «зараза» пойдёт дальше, поскольку Испания дала «роковой пример» Франции⁵⁵. Соглашаясь с этим, гр. Нессельроде весной 1820 г. также признавал Францию «колыбелью» всех европейских

⁴⁷ О влиянии рутинной работы с официальными документами на воззрения и знания российских дипломатов см.: *Randall M.T.* Russia, the Concert of Europe and the Near East, 1821—1841: A Status Quo State in the Vienna System. Ph.D. Diss. N.Y., 2000. P. 81.

⁴⁸ Подробнее о широко распространённой в первой четверти XIX в. мифологеме всемирного заговора см.: *Андреева Т.В.* Тайные общества в России... С. 487—514.

⁴⁹ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 164 об.

⁵⁰ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 233.

⁵¹ *Нарочницкий А.Л.* Испания 1808—1823 гг. ... С. 49—50.

⁵² ОР РНБ, ф. 762, д. 71, л. 8 об.—36. В них также приводились экстракты речей Р. Риго и других известных депутатов кортесов.

⁵³ Там же, д. 72, л. 2—22 об.

⁵⁴ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 547—550. Это опровергает высказанное исследователем предположение, будто бы граф не верил в миф о заговоре: *Чернов А.В.* О политических взглядах И.А. Каподистрии. С. 49.

⁵⁵ Сборник ИРИО. Т. 127. С. 148—151.

революций⁵⁶. Вместе с тем русские дипломаты учитывали, что в Пруссии имела своя тайная организация, Великобритания из корыстных соображений подрывала стабильность в той же Испании и Италии⁵⁷. Всё это сливалось в единое «движение». Как говорилось в памятной записке российского МИД, составленной 19 ноября (1 декабря) 1820 г. после конгресса в Троппау и обличавшей тайные общества революционеров, «люди, чьё сознание было отравлено заблуждениями и бедствиями нашего времени... прилагали все старания, чтобы принизить величие тронов и толкнуть народы на преступление и бунт»⁵⁸.

Весьма примечательно, что кн. П.М. Волконский 30 января (11 февраля) 1821 г. жаловался А.А. Закревскому: «В Испании дела также идут ужасно плохо... Секретные общества иллюминатов ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, им ничего нет невозможного и ничего у них нет святого, только и мыслят уничтожение всех властей и произведения общих беспокойств. Число их так велико, что и у нас очень много, и даже в войске и в разных должностях, почему и нужно обращать всевозможное внимание к открытию таковых извергов для удаления их». 6(18) февраля князь передал в письме ходившие в Петербурге «слухи» и «толки» о якобы произошедшем в Митаве мятеже Елецкого полка, который там никогда не стоял, и о репрессиях в отношении Лейб-гвардии Семёновского полка⁵⁹.

Судя по письмам к гр. А.А. Аракчееву, Александр I верил в причастность международного тайного общества и «пробуждённых карбонари» к «Семёновской истории», в которой, как считал А.В. Предтеченский, «царь был склонен видеть отклик испанских событий»⁶⁰. Со своей стороны, Аракчеев, вел. кн. Константин Павлович, Закревский, кн. И.В. Васильчиков и А.П. Ермолов не исключали причастности к случившемуся злоумышленников⁶¹. «Революционное распадение Испании, умерщвление герцога Беррийского и другие подобные события, — вспоминал позднее гр. Каподистрия, — побудили императора видеть и подозревать везде деятельность какого-то распорядительного комитета, который, как полагали, распространял из Парижа свою деятельность по всей Европе, с целью низвергнуть существующие правительства и ввести свойственные революции формы и деспотизм»⁶².

Между тем в высказываниях Александра I «революционные либералы, радикалы и международные карбонарии» соединялись в один «общий заговор» и действовали «солидарно», о чём у монарха будто бы имелись «все документы налицо». Казалось, что «общества и секты», основанные на идеях Вольтера и олицетворявшие само «зло», «гений сатаны», низвергали одно за другим правительства в Испании, Португалии и Неаполе, вызвали греческое восстание⁶³.

⁵⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 353.

⁵⁷ Там же. Т. 4(12). М., 1980. С. 103—104.

⁵⁸ Там же. Т. 3(11). С. 624.

⁵⁹ Сборник ИРИО. Т. 73. СПб., 1890. С. 42—43, 45—46

⁶⁰ *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой половине XIX в. М., 1957. С. 336. См. также: *Карцов П.П.* Событие в лейб-гвардии Семёновском полку в 1820 г. // Русская старина. Т. 18. 1883. Вып. 4. С. 75; *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы. Т. 1. М., 1947. С. 177; *Андреева Т.В.* Александр I и внутренняя безопасность Российской империи: правительство, тайные общества и дворянство // Петербургский исторический журнал. 2018. № 1. С. 78.

⁶¹ *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 2. С. 678; *Шильдер Н.К.* Указ. соч. Т. 4. С. 186; РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 112, л. 25.

⁶² *Каподистрия И.* Указ. соч. С. 250—252.

⁶³ *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 247, 296.

Наконец, они прямо угрожали жизни монархов. Как писал Александр I 15(27) февраля 1821 г. кн. А.Н. Голицыну, король Обеих Сицилий Фердинанд I после начала революции в Неаполе принимал все решения со «стилетом, представленным к его горлу»⁶⁴. Из Мадрида по каналам МИД также сообщали, что Фердинанд VII «опасается за собственную безопасность»⁶⁵. Князь Голицын, отвечая царю 10(22) марта, ужасался при мысли о том, что «правление сатаны» установилось теперь и в Пьемонте, который «был революционизирован по образцу Испании, Португалии и Неаполя» руководящим из Парижа комитетом. Ему же, «врагу Завета и религии нашего Спасителя», приписывалось выступление А. Ипсиланти в Валахии, которое должно было отвлечь внимание великих держав от «синагоги сатаны» в Пьемонте⁶⁶.

Приходилось признать, что для борьбы с подобным врагом «недостаточно одной дипломатии» и «необходима сила». Впрочем, ещё 24 февраля (7 марта) 1820 г. гр. Булгари, излагая гр. Нессельроде свою программу успешной контрреволюции, утверждал, что Фердинанду VII нужно прежде всего уничтожить смутьянов с помощью «шпаги и виселицы», а затем провести реформы и расширить права своих подданных как в метрополии, так и в колониях⁶⁷.

Наблюдая за ходом Испанской революции, русские сановники и дипломаты не раз отмечали, что перевороты 1820—1821 гг. носили «военный», или «солдатский», характер и совершались небольшими группами молодых офицеров (чаще всего — членами тайных обществ), толкавшими ничего не подозревавших солдат на восстание под демагогическими лозунгами без всякой поддержки со стороны широких масс⁶⁸. Так, гр. Н.П. Пален писал в феврале 1820 г. про восстание Риего в окрестностях Кадиса и движение мятежных частей к Мадриду: «Я полагаю, что испанский народ ничего не совершит, но полное бездействие народа делает армию ещё более грозной»⁶⁹. Уже после того, как в марте Фердинанд VII вынужден был подписать манифест о созыве кортесов и присягнуть на верность конституции 1812 г., гр. С.Р. Воронцов констатировал, что происходящее в Испании «заставляет дрожать государей и народы», поскольку «солдатня присваивает себе все права, созданные конституциями»⁷⁰. Именно мятежную армию во главе с военачальниками, связанными с тайными обществами, гр. Поццо ди Борго считал тогда основным орудием революций⁷¹. Служивший при посольстве полковник Шлуссович 1(13) мая 1820 г. докладывал Татищеву, что «обыватели не имеют представления и не участвуют в происходящей смуте», а конституция провозглашается «военными частями, первую роль среди которых играет Артиллерийский корпус»⁷².

⁶⁴ Там же. С. 544.

⁶⁵ ОР РНБ, ф. 762, д. 67, л. 7 об.—8.

⁶⁶ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 557—559.

⁶⁷ ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 304—311.

⁶⁸ То, что мятежи не встречали поддержки у простых обывателей, отмечал, в частности, гр. Нессельроде, писавший об этом гр. Булгари 30 апреля (12 мая) 1821 г. (ВПР. Сер. 2. Т. 4(12). С. 141).

⁶⁹ Додолев М.А. Россия и Испанская революция... С. 116.

⁷⁰ Там же. С. 118.

⁷¹ Сборник ИРИО. Т. 127. С. 148—149.

⁷² ОР РНБ, ф. 762, д. 151, л. 3. При этом полковник утверждал, что «весь полуостров объят открытым восстанием против короля», «государственные заключённые гуляют на свободе с чувством триумфа», а чиновники и гарнизоны «заодно с кортесами», находящимися в руках тайных обществ (Там же).

В переписке с герцогом Ришелье гр. Каподистрия 22 августа (3 сентября) 1820 г. заявлял, что, отказавшись от проведения умеренных реформ, большинство европейских монархий окажутся во власти революционеров и солдат⁷³. Князь Волконский в начале 1821 г. определял степень радикальности революции в Пьемонте по тому, как вели себя гарнизоны ключевых городов и крепостей⁷⁴. В донесениях русских дипломатов 1820—1822 гг. из Испании, Неаполя и Пьемонта постоянно упоминались «военная революция», «разбой», «солдатский разбой», «сговор офицеров»⁷⁵.

Всё это не могло не отразиться на отношении к конституционным формам и учреждениям, в том числе и октроированным. Если раньше их воспринимали как средство упорядочивания и гармонизации отношений монархов и подданных, залог прогресса и благополучия, верный способ предотвращения революций, то теперь, напротив, они превращались в инструмент, которым заговорщики пользовались в своих разрушительных целях, а конституция становилась знаменем революционеров и символом беззакония, беспорядка и хаоса. Уже в 1820 г. Александра I перестали устраивать «умеренные варианты» конституций, а 20 августа (1 сентября) 1823 г. гр. Поццо ди Борго получил от царя через гр. Нессельроде указание убедить французское правительство не навязывать Испании Хартию 1814 г. после успешной интервенции⁷⁶.

К этому присоединялось и беспокойство за судьбу России, которой грозило втягивание в вооружённую борьбу, способную охватить всю Европу. «Если мы ответим туркам войной, то парижский главный комитет восторжествует, — полагал гр. Каподистрия в 1821 г., — и ни одно правительство не останется на ногах. Я не намерен давать простор врагам порядка»⁷⁷. Об опасности участия России в интервенции упоминал Стурдза⁷⁸, подобная перспектива постоянно обсуждалась в окружении кн. Волконского⁷⁹. А кн. Вяземский 31 декабря 1820 г. (12 января 1821 г.) иронизировал в письме к А.Я. Булгакову: «Что может быть смешнее этих хлопотунов, которые, как угорелые, бегают по чужим домам тшат свечи, а свои кидают на жертву пламени»⁸⁰.

Неудивительно, что в Петербурге приветствовали вмешательство Франции в испанские дела. Ещё в апреле 1820 г. Стурдза рассчитывал вывести Испанию из состояния «долгой революции и анархии» при участии французов, имеющих «права и средства», позволяющие влиять на политику депутатов кортесов. Но о вооружённом решении проблемы тогда речи не шло. В переписке гр. Каподистрии и герцога Ришелье говорилось лишь про «конституционную интервенцию» как «великую услугу миру»⁸¹. Но уже 11(23) января 1823 г. гр. Нессельроде делился с гр. Поццо ди Борго своей надеждой на то, что «Франция, которая на Веронском конгрессе была первой, кто обратил внимание Европы на опасность, грозящую ей со стороны испанской революции, не даст уцелеть этому преступному порождению насилия». Статс-секретарь российского

⁷³ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 550.

⁷⁴ Там же. Т. 73. С. 43.

⁷⁵ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 2, д. 10, л. 10, 29 об., 36, 64, 92—93 об.; ОР РНБ, ф. 762, д. 71, л. 8 об.—14; д. 109, л. 1—2 об.; ВПР. Сер. 2. Т. 3(11). С. 233—234, 472—475.

⁷⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). С. 206.

⁷⁷ Каподистрия И. Указ. соч. С. 269.

⁷⁸ РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 84, л. 20 об.—21.

⁷⁹ РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 103, л. 17—52 об.; д. 107, л. 98—104; д. 112, л. 21 об.—27.

⁸⁰ Русский архив. 1879. Вып. 4. С. 520.

⁸¹ Сборник ИРИО. Т. 54. С. 597; РО ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, д. 186а, л. 231—232 об.

императора был уверен «в том, что она, по её собственному выражению, не допустит, чтобы опасные искры могли упасть на почву, уже, возможно, готовую воспылать»⁸². Характерно, что в последней фразе звучал намёк на способность тайных обществ разжечь революцию и в других странах.

16(28) января 1823 г. Людовик XVIII под влиянием ультрароялистов и в первую очередь Ф.Р. де Шатобриана объявил о начале вооружённой интервенции. В апреле французский экспедиционный корпус под командованием герцога Ангулемского перешёл границу. Незадолго до этого, 15(27) марта, гр. Нессельроде предсказывал гр. Поццо ди Борго, что французы не встретят в Испании упорного сопротивления, поскольку их оружие направлено против «заговорщиков, которые навлекли на полуостров все его нынешние бедствия», а сам по себе поход не способен «встревожить испанцев как нацию»⁸³. 4(16) июня Александр I писал гр. Поццо ди Борго: «Французская армия подала ныне руку помощи испанскому народу и должна освободить короля, которого держит взаперти незначительная группа его взбунтовавшихся подданных»⁸⁴. К октябрю абсолютистский режим Фердинанда VII был восстановлен. Когда Риего, взятого французами в плен, везли в Мадрид, толпа кричала: «Смерть Риего! Убейте его! Все они — евреи, якобинцы, еретики, масоны!»⁸⁵.

В Петербурге с озабоченностью наблюдали за тем, как после победы контрреволюции в Испании вновь раскручивался маховик репрессий. Так, 11(23) октября 1823 г. гр. Поццо ди Борго сетовал в письме к гр. Нессельроде: «Испанский король, едва обретя свободу, поспешил издать декреты, по меньшей мере опрометчивые; все сходятся во мнении, что если не будут приняты более разумные меры, то несчастную страну постигнут новые бедствия»⁸⁶. 22 ноября (4 декабря) 1823 г. Александр I увещевал Фердинанда VII: «Если в Испании утвердятся анархия, если меры, принятые для исправления положения, не успокоят там брожение, которое всегда оставляют после себя революции, если целым сословиям, а не истинным виновникам придётся нести наказание за преступление, позор которого испанский народ смыл с себя столь достойным образом, это будет означать, что мы ничего не сделали ни для В[ашего] в[еличест]ва, ни для себя самих»⁸⁷.

Как бы то ни было, в начале 1820-х гг. в правящих кругах Российской империи и среди её дипломатов складывается представление о революции, возникающей в результате международного заговора, использующего тайные общества и вовлечённых в них офицеров при пассивном ожидании большинства солдат и народных масс. При этом целью конспираторов и инсургентов являлось свержение абсолютистского режима, провозглашение конституции и проведение либеральных реформ, ради которых допускалось и царевубийство. Рефлексия над вереницей революций, восстаний и покушений во многом предопределила восприятие Николаем I и его окружением событий 14 декабря 1825 г., в которых сразу же увидели черты испанских и итальянских пронуциаменто. Характерно, что 19 декабря в императорском манифесте, написанном Д.Н. Блудовым — бывшим сотрудником гр. Каподистрии, указы-

⁸² ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). М., 1982. С. 26.

⁸³ Там же. С. 72—73.

⁸⁴ Там же. С. 134.

⁸⁵ *Stites R. The Four Horsemen: Riding to Liberty in Post-Napoleonic Europe.* Oxford, 2014. P. 110.

⁸⁶ ВПР. Сер. 2. Т. 5(13). С. 243.

⁸⁷ Там же. С. 259.

валось, что гвардейский мятеж во время принесения присяги произошёл по подобию «преступлений, кои совершены были в Кадисе, Неаполе и Турине»⁸⁸. 15(27) декабря, беседа с испанским послом Х.М. Паес де ла Кадена, гр. Нессельроде признал, что «здесь, как и во всех других местах, множество лиц при дворе, заражённых революционной лихорадкой»⁸⁹. А 19(31) декабря Паес де ла Кадена напишет в Мадрид о недавнем восстании: «Вне всякого сомнения, что этот проект имел ответвления за границей и в него вложено много денег, чтобы соблазнить обманом и именем Константина солдат»⁹⁰. В январе у него не осталось сомнения в том, что петербургские события — это «гибельные отголоски революции, которая пробежала и опустошила оба Света», очередная попытка изменить порядок «после неудачи в нашей Испании, Португалии, Неаполе и Пьемонте»⁹¹.

⁸⁸ *Андреева Т.В.* Тайные общества в России... С. 476—477.

⁸⁹ Archivo Histórico Nacional. Estado. Leg. 5919. Despacho no. 153. Fol. 12.

⁹⁰ Ibid. Despacho no. 155. Fol. 9.

⁹¹ Ibid. Despacho no. 171. Fol. 7. Подробнее см.: *Белоусов М.С.* Депеши испанского посла как источник по истории политической культуры междуцарствия // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 2. С. 357—374.